

Джафарзаде Азиза

Баку - 1501

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

1. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Принц Гази-бек скучал. Уже несколько дней, как умер его учитель, кази дворца Ширваншахов Мухаммедъяр, и музыкальные, развлекательные собрания были на время прекращены. Принц с самого утра не находил себе места: чем бы заняться? Дни тянулись один скучнее другого.

Так и сегодня. Вздыхая, он долго ворочался в постели, потом, кликнув надима[1] Салеха, велел ему готовиться к прогулке. А сам нехотя, без аппетита, сел завтракать. Поковырял нежнейшую чихиртму[2] из цыпленка, выпил пиалу молока.

У выхода на широкую дворцовую веранду его встретил Салех.

- Кони готовы, принц!

- Хорошо.

Принц в охотничьем костюме спустился во двор. Постоял в раздумье: "И на что мне этот охотничий наряд? Находишься я сейчас на богатых джейранами равнинах Ширвана, он был бы кстати. А в этом краю песков добыча мне вряд ли попадет. Ну из ладно... Пусть будет удача!" - пожелав самому себе счастливого пути, он вскочил на коня, приказав надиму следовать за собой.

- Спросят - скажешь, гулять уехали, - бросил он низко склонившемуся слуге.

Пришпорив коней, всадники выехали из дворца. Им было, в сущности, все равно, куда ехать. Лошади сами вынесли на мягкую песчаную дорогу вдоль берега моря, живописно обрамленную скалистыми холмами. В этот яркий весенний день Хазар был удивительно спокоен. В прозрачной тени скал тут и там поблескивали маслянистые черные пятна, и легкая моряна, не в силах развеять неприятный нефтяной запах, досадливо морщила море мельчайшей рябью. Ни деревца, ни кустика вдоль дороги - но, приветствуя весну, склоны холмов тут и там покрывались верблюжьей колючкой, ромашками, зеленой травой.

Но броская своеобразная красота этих мест была чужда молодому принцу. Глядя в бирюзовые дали Хазара, он с тоской вспоминал сочные луга и полные цветов сады Шемахи, густые леса и богатейшие охотничьи угодья, населенные быстрыми джейранами и косулями, пугливыми куропатками и турачами. Он жаждал снова вдохнуть полной грудью горный воздух Фита и Гюлистана, с нетерпением ждал, чтобы Ширваншах Фаррух Ясар отдал приказ о переселении семьи и всей дворцовой челяди на летние месяцы в Шемаху - на яйлаг. Гази-бек всей душой любил вольное загородное лето. Только проводя целые дни на охоте, оживлялся принц, с удовольствием спал в палатках, а то и просто на голой земле, укрываясь высоким небом, а под голову подложив седло вместо подушки. С аппетитом, которому бы подивились во дворце, ел нанизанные на самодельные шампуры из обстриганных веточек собственноручно добытые и поджаренные охотничьи трофеи - нарезанное на мелкие кусочки мясо косуль или джейранов.

В последнее время не только охотничья страсть уводила Гази-бека за пределы дворца. Юноша вступал в пору зрелости, и сердце его, волнуемое неясным томлением, вдруг открыло, для себя изумительный мир - мир любовной лирики. Он не умел писать стихов, но беззвучно повторял строки, созданные великими поэтами и настолько созвучные ему сейчас, что, казалось, они созданы о нем самом и о той, которую он мог бы полюбить... Уставившись задумчивым взглядом в голубые дали Хазара, он вспоминал кази Мухаммедьяра. Ему очень повезло с учителем: обязанный обучать принца шариату, прививать ему строгие религиозные правила, кази оказался большим знатоком и страстным почитателем древнеарабской, персидской, азербайджанской литературы. Духовный сан не мешал Мухаммедьяру быть ученым широких взглядов, человеком поэтического склада ума. Кази с увлечением рассказывал юноше о поэтах родной земле, научил его понимать глубину строк, ценить недосказанное, наслаждаться благозвучием. Часто цитировал ему стихи Насими, но, спохватываясь, благочестиво добавлял:

- Правда, к концу жизни Сеид Имадеддин стал безбожником, приравнял себя - мыслимое ли дело! - к аллаху, нанес тем самым большой вред святой вере и понес за это справедливое наказание. Но никто так не воспел любовь, как он, любовь, возносящую человека до небес, на недосыгаемую высоту. Нет в нашей поэзии равного его божественным газелям!

И, подняв глаза к искусно расписанному потолку дворцового покоя, Мухаммедьяр благоговейно, с упоением читал нараспев:

Под нежный рокот струн - неси тот
вдохновляющий напиток.
Пусть чаша жизни мной не до конца испита,
Я всю ее отдам, и мне не жалко, пусть!

За поцелуй один медовых этих уст.

"Жаль, очень жаль, что учитель покинул этот мир, - думал принц. Такой человек попадает раз в жизни. Бывало, он говорил: "Есть на земле правитель - изначальный, вечный. Перед его вратами все равны - шах и нищий; могущественное богатство бессильно перед ним. Смерть! Да, смерть неотвратимая, необъяснимая тайна вселенной!" Теперь и сам он стал частицей этой тайны. Как странно все: был человек, жил, думал, и вот нет его. Бог знает, кого назначат на его место?! Верно, какого-нибудь бездарного моллу. При нем, надо думать, не только стихи Насими - даже имя поэта упомянуть будет непозволительно. "Ах, ах, какое богохульство", - скажет молла. А для меня это не богохульство, а высшее проявление жизни, дар божий..."

Гази-бек пребывал в том смутном состоянии духа, когда душа юноши, еще не изведавшего любви, уже томится ее предчувствием. С кем разделит он эту любовь - с дворцовой красавицей или хорошенькой невольницей, купленной с торгов по велению отца - принц не знал. Но душа его, как говорят поэты, созрела для любви, всевластное это чувство стояло вопросом в глазах юноши, настужь распахнуло двери в святая святых его сердца - где та, что войдет сюда?

Дорога привела их на Биби-эйбатский пир[3]. Пустынен он был в этот час: ни единого шиха[4] вокруг. То ли сегодня с утра было много паломников и теперь в каждом дворе принимают гостей, то ли, наоборот, никого нет и шихи услаждают себя приятной беседой, собравшись под большим тутовым деревом во дворе пира, в прохладной тени. Не доезжая святилища, путники спешили у черных скал. Гази-бек очень любил это место, называемое в народе "Гырх гызлар"[5], часами мог сидеть на самом краю утеса, нависшего над голубыми водами Хазара. В рокот бескрайнего моря, казалось ему, вплетается неясный шепот: это черные скалы, сквозь которые тут и там сочится прозрачная, как девичьи слезы, вода, раскрывают ему свою трагедию. Старые люди рассказали ему эту давнюю историю "Гырх гызлар".

... После смерти восьмого имама шиитов Рзы, отравленного халифом Мемунум, его сестра Окюма-хатун бежала, преследуемая врагами. Вместе с сорока преданными служанками отплыла она на корабле некоего Эйбата, чтобы искать прибежища на западном берегу Хазара. Здесь, в этих пустынных местах, сошли они с корабля. Вскоре умерла Окюма-хатун. Похоронили ее безутешные девушки - и сами, одинокие, бесприютные в огромном чужом мире, тут же у могилы госпожи превратились в черные камни. Сочающаяся сквозь скалы вода их слезы. Печальные стенанья, смешивающиеся со вздохами Хазара - их плач. Матерей ли зовут, или по родине тоскуют несчастные - кто знает?..

Спрыгнув с коня, Гази-бек поднялся к скалам "Гыrx гызлар":

- Салех! Не будем торопиться, успеем еще налюбоваться постными физиономиями шихов. Давай здесь отдохнем немножко.

Салех обрадовался. Еще бы! За всю дорогу принц и словом с ним не обмолвился, ехал задумчивый - видно, по умершему учителю своему горевал. Надима грызла мысль, что он не исполняет прямой своей обязанности, не развлекает принца. Что, если Гази-бек на него рассердится, пожалуется, не дай бог, шаху: "Кого это вы приставили ко мне? Ни приятным разговором, ни песней, ни стихами не умеет он отвлечь своего господина от тяжелых мыслей! Не нужен он мне", - заявит принц, и тогда - прощай, завидная служба, он потеряет такой спокойный кусок хлеба.

вернуться

1 Надим - дружок.

вернуться

2 Чихиртма - жаркое из любых компонентов, но с обязательным добавлением яиц.

вернуться

3 Пир - святое место.

вернуться

4 Ших - служитель.

вернуться

5 "Гыrx гызлар" - сорок девушек.

1

Салех заметно приободрился, видя, как ласково разговаривает с ним молодой принц: не сердится, значит!

- Ты прав, мой господин, чем позже - тем лучше. При виде этих шихов и мне тошно делается!

Гази-бек внезапно нахмурился. Он дурно высказался другому о своих подданных - и немедленно услышал в ответ дурное же. Прав был покойный учитель Мухаммедьяр, всегда говоривший; "Подданные твои - все равно что твои дети. От тебя они будут перенимать и хорошее, и плохое. Старайся быть милосердным и справедливым к ним".

- Знаешь, Салех, ведь эти бедняги-шихи не виноваты в своей участи. Ты только оглянись вокруг! На этих бесплодных даже в пору весеннего цветения скалах именно они с огромным трудом вырастили маслины, фисташки. У них почти нет земли, пригодной для обработки, нет пастбищ. Живут они в

стороне от караванных путей - торговать тоже не могут. Ничем не одарил их аллах в достаточной мере - ничем из того, что могло бы прокормить. Что же им, горемычным, делать? До седьмого пота обрабатывать свои крохотные посевные участки? Все равно пользы мало. Но чем-то ведь они должны жить! Вот и ухватились за паломников на лодках их перевозят, услуги им всевозможные оказывают. Тем и кормятся...

Салех тем временем достал из переметных сум фляги, почтительно протянул принцу наполненный вином кубок. "Да-а, это не его слова покойного учителя. Интересно знать, будет ли принц так думать и дальше, получив власть в свои руки? Или станет обращаться с подданными так же, как отец и дед?!" думал молодой слуга, всей позой выражая живейшее внимание и восхищение словами принца. Глаза он отвел в сторону: боясь, что Гази-бек прочтет его истинные мысли, прилежно глядел вдаль на одинокую лодку, чуть покачивающуюся на морской зыби.

Они снова вскочили на коней, миновали Биби-Эйбат, село Шихлар, где плоские крыши, казалось, припечатывали к земле невзрачные каменные домишки, и уже повернули было к берегу Хазара, к песчаному пляжу, манившему отдохнуть и искупаться, как вдруг Гази-бек резко осадил коня. Принц изумленно прислушался, поспешно соскочил на землю, передал повод Салеху:

- Спускайся к берегу, я потом приду...

Его остановила песенка, исполняемая нежным и чистым голосом. Невидимая за кое-как сложенным каменным забором, пела девушка, прицелкивая в такт мелодии пальцами. Пленительная юная беззаботность слышалась в этой простой песенке:

Тюбетейку набок надвинул, надвинул,
Опустил на самую бровь.
Ах, джигит, проходивший мимо.
Разбил мое сердце в кровь!

Очаровательный голосок "разбил в кровь" и сердце принца, заставил его подойти к самому забору, найти отверстие между неплотно пригнанными камнями... Господи, на что только не способны человеческие руки! Маленький дворик, затерянный в этом безводном песчаном мире, был поистине райским уголком. В центре двора находился колодец, вокруг, по золотому песку, вились ярко-зеленые лозы, перед приземистым одноэтажным домиком росли пышные кусты роз. Невысокие инжирные деревья жались к забору. На натянутых между их стволами веревках, как крылья присевших отдохнуть чаек, плескалось выстиранное белоснежное

белье. А у колодца стояла она - поющая девушка. Тонкие руки быстро вертели рукоять ворота, вода из ведра с веселым плеском разливалась по цветнику. Девушка трудилась не покладая рук - но так, словно это была не работа, а праздник, будто ведра были невесомы и, не зная усталости, доставала и доставала она воду, разбрызгивая вокруг свежесть и радость. Всем своим существом погрузилась она в работу и песню. Восхищенный принц затаил дыхание: никогда еще не встречал такой девушки Гази-бек!

Алого цвета, как лапки куропаток, порхающих среди мшистых скал Ширвана, были ее выкрашенные хной руки и ноги. Пару кос, чтобы они не мешали работе, заправила девушка за пояс. Тонкая юбка, намкнув, облепила ее стройные бедра и ноги. В круглом вырезе простенькой ситцевой кофты краснела нитка некрупных кораллов - все ее украшения. Принцу, привыкшему к раззолоченным нарядам, многоцветным шалям, богатым уборам из золота, жемчуга, алмазов, в которых красовались дворцовые ханум, странным показалось, что столь бедно одетая девушка может быть такой красивой.

Щелочка, через которую Гази-бек заглядывал во двор, не устраивала его. Ему страстно захотелось увидеть глаза девушки, поближе рассмотреть ее. Не раздумывая, что он делает и как будет встречен, принц решительно пошел вдоль забора, в поисках ворот. Нашел. Крашеная деревянная дверь была не заперта, легко открылась под нажимом руки. Гази-бек замер в дверном проеме, восхищенно глядя на девушку. Ему и в голову не пришло, что из дома может кто-нибудь выйти, неласково обойтись с непрошеным гостем.

Ни скрипа, ни шороха не раздалось - но какое-то странное ощущение заставило девушку вздрогнуть. Ей показалось, что чей-то чужой взгляд бродит по ее телу, пронизывает насквозь. Обернулась к воротам - и замерла, увидев незнакомого парня. Она, конечно, не знала принца, но по одежде поняла, что перед ней человек высокого положения. В здешних краях не могло быть столь богато одетого мужчины! "Видно, это паломник, разыскивает дедушку, хочет снять комнату, отдохнуть", - подумала девушка. Она была из семьи шихов, привыкших к посещению паломников, а потому не растерялась, со свойственной деревенским девушкам смелостью пошла навстречу гостю, почтительно приветствовала его. И остановилась: пусть молодой человек сам скажет, что ему нужно. Но юноша... юноша забыл и о себе, и обо всем на свете. Весь мир для него теперь сосредоточился в этой паре глаз, похожих на кюдринских джейранов, в нежных щеках, напоминающих лепестки дикой розы, растущей в Гюлистане, в алых губках, цветом соперничающих с кораллами на девичьей шее. А девушка, почувствовав в госте, нечто необычное, растерялась под этим жарко горящим взглядом, невольным движением высвободила из-за пояса длинные косы,

помедлила еще, ожидая, когда пришелец, наконец, нарушит молчание, и, не выдержав, заговорила сама:

- Что вы хотели, братец?

- Девушка, не дашь ли мне глотка воды?

Встревоженное сердце успокоилось, красавица справилась с волнением, улыбнулась:

- Почему же не дам?

Вернулась к колодцу, наполнила из ведра узорчатый медный ковшик и поднесла принцу:

- Пожалуйста, пейте на здоровье.

- Большое спасибо!

Гази-бек выпил и по всему телу разлилась прохлада:

- Какая чудесная вода! Будто и не колодезная, а родниковая,

- Верно, в этих местах нет колодца, равного нашему. Мой покойный отец продолбил скалу на большую глубину, оттого вода идет и пресная, и холодная.

"Говори - как сладок твой язык! Говори - какая ты смелая девушка!" думал про себя принц. Ему очень хотелось узнать ее имя, но - не решился спросить.

- Чей это дом? - поинтересовался он.

- Наш. Дедушкин.

- Как зовут твоего дедушку?

- Ших Кеблали.

- Где он?

- В пире. Ждет паломников.

- Так вы паломников принимаете?

- Конечно. Как и все наше село.
- Тогда, может быть, и для нас чай приготовишь?
- Почему не приготовлю! Сколько вас?
- Двое. Дружок мой к морю спустился, сейчас придет.
- Тогда я пошлю за дедушкой?
- Посылай!

Принц вышел за калитку. Остаться дольше он не мог. Но, отойдя на несколько шагов, остановился: девушка, взобравшись на забор, звала кого-то из соседнего двора:

- Тетя Хейранса, ай, тетя Хейранса!
- Что тебе, Бибиханым?

"Значит, ее зовут Бибиханым. Родилась, видно, после обетов, подношений на Биби-Эйбате, потому и назвали так. Нет, отныне твое имя будет Султанымханым. Ты станешь моей царицей, моим султаном, иначе этот просторный мир будет тесным для меня, иначе я не смогу жить в нем", - думал принц.

-... Тетя Хейранса, ради аллаха, пошли Агадаи в пир, пусть сбегает, найдет моего дедушку. Предупредит пусть его: к нам гости приехали.

2

- Хорошо, дочка, только, где мне этого сорванца найти?! Эй, Агадаи, Агадаи-и-и! Где ты, паршивец, а ну-ка, скорей иди домо-ой-ой...

Принц спустился к берегу, где стояли стреноженные Салехом кони. Молодой надим уже искупался и теперь отдыхал на прибрежном песке. Увидев Газибека, вскочил, заулыбался, склонился в низком поклоне:

- Что нашел, что увидел, мой дорогой принц?
- Самую драгоценную на свете жемчужину! Такой мне еще в жизни видеть не приходилось...
- Жемчужина? В этих развалинах?
- Так в развалинах-то, говорят, и находят самые драгоценные сокровища!

- И на нем, свернувшись, дремлет змея?

- Этого я еще не знаю. Но моя жемчужина - такая гурия в саду Ирем, подобные которой встречаются лишь в сказках.

Салех подумал было, что Гази-бек его разыгрывает. Он улыбнулся, с губ его уже готова была сорваться шутка... Но увидел глаза принца - и запнулся.

- Это правда, принц?

- Я не шучу, Салех, и ты будь осторожен! Если с уст твоих слетит хоть одна неуместная шутка - пеняй на себя.

Салех не на шутку испугался. "О, аллах, что он такое говорит?! Мало ему дворцовых красавиц! - подумал он. - Если его отец узнает об этом, он в мою шкуру соломы набьет".

- Встань, оденься, почисти коней. Я тоже окунусь разок, чтоб время растянуть. А потом пойдем к ним в гости.

- А, это другое дело...

- Я сказал тебе - не забывайся! Мы паломники. А они - семья шиха, принимающая паломников. И все.

... Когда они приблизились к маленькому домику, ших Кеблали уже ждал их, нетерпеливо переминаясь перед воротами: видно, давно не заглядывали сюда паломники. Старик сердечно встретил молодых людей, хотя и удивился: что-то не похожи они на настоящих паломников.

- Да будет принято ваше моление! Да поможет пир всем вашим намерениям исполниться!

- Да услышит тебя аллах!

Под тутовым деревом во дворе уже был расстелен серый палас. На нем белоснежная скатерть с набором чайной посуды, дымящимся чайником, сушеным инжиром, тутом, дошабом, инжирным джемом, виноградом, разными сладостями. Здесь же лежали сыр, масло, соль, свежий тендырный чурек и только что сорванная с грядок зелень.

Бибиханым пожарила яичницу, разлила чай и поставила полные чашки перед молодыми людьми и стариком. Она подавала чай, а принц думал: "Неси, неси

эту живую воду, мой ангел! Чай с корицей, который я раньше терпеть не мог, теперь будет мне казаться вкуснее самого изысканного вина во дворце".

Девушка села в отдалении, предупредив шиха:

- Дедушка, я заворачиваю для гостей четыре-пять ниток долмы. Вода уже кипит.

- Вот молодец, дочка! Долма сейчас - из самых первых, нежнейших листиков. Тогда мы со сладким не будем торопиться, - обернулся он к молодым людям.

Бибиханым прилежно заворачивала комочки рубленого мяса в мелкие виноградные листочки, иголкой насаживала долму на нитку, а когда ряд заполнялся, соединяла концы нити узелком. Ни разу не подняла она глаз на сидящих вокруг скатерти, ни словечка не вставила в их разговор, ловко и споро занимаясь стряпней. Вскоре девушка поставила перед каждым по кясе с зеленоватым, с золотистыми кругами жира на поверхности, бульоном и по тарелке с нанизанной на нитки долмой. Никогда еще принц не ел такой вкусной долмы!

* * *

Весной 1501-го года разнеслась весть о том, что Исмаил, сын Шейха Гейдара, перешел Аракс. Говорили, что однажды ночью он увидел вещий сон и наутро поднял свою семитысячную армию: "Святой дух наших невинных имамов послал нам знамение: направить наши славные знамена на Ширван". Молва говорила, что Исмаил идет отомстить Ширваншаху Фарруху Ясару ибн-Ибрагим Халилулле за кровь своего деда, Шейха Джунейда, и отца, Шейха Гейдара. Узнав об этом, Фаррух Ясар сказал: "Пусть сунется, его постигнет участь собственного отца!" - и, поручив оборону своим полководцам, не стал отвлекаться от начатого строительства. Однако через некоторое время, услышав, что бои усиливаются, что идут кровопролитные схватки то у Махмудабада, то на Ширване, бросил все свои дела и поскакал к войску, отправленному для обороны Гюлистана. Возложив защиту Бакинской крепости на своего сына Гази-бека, Ширваншах Фаррух Ясар спешно отправился в Шемаху. Он еще не знал о силе сына Шейха Гейдара, верил в скорую победу и возвращение.

2. ДЕНЬ, ПРОВЕДЕННЫЙ В КОРЗИНЕ

Сады Лахиджана очень понравились маленькому Исмаилу, Здесь он обрел хоть относительный покой. Не каждому взрослому были бы под силу горести, что выпали на долю этого семилетнего мальчугана. Вот почему Исмаил был более развит, чем его сверстники. Теперь, в Лахиджане, во

дворце правителя Гилана-Мирзали, он, наконец, почувствовал себя свободно. Правда, и сама эта свобода тоже была относительной... Всякий раз, как в окрестностях дворца появлялся незнакомый человек, Исмаила поспешно прятали. С колотящимся сердечком шел он в укрытие, покорно ожидая, когда сможет выйти. Только книги, с которыми он никогда не расставался, были его неизменными спутниками. Миновала опасность, и мальчика выводили наружу, и, словно опьяненный свободой, он пускал в ход свой маленький меч, копьё, лук и стрелы. Военное обучение Исмаил проходил вместе с сыновьями правителя Мирзали и других ханов, под присмотром Мухаммед-бека или его брата Ахмед-бека. Для своих семи лет сын Шейха Гейдара превосходно владел мечом и управлялся с конем. Это заменяло мальчику игры.

Хотя такие "игры" и нравились Исмаилу, они не могли заставить его забыть о перенесенных невзгодах, не могли вытравить горечь из исстрадавшегося сердца. После того, как где-то в Дагестане, на границе с Ширваном, был убит его отец Шейх Гейдар, ардебильские суфии сильно ослабели, и потому сын Гасана Длинного Султан Ягуб легко смог захватить Ардебиль. Исмаил совсем не помнил своего отца, даже смутно не представлял себе его лицо, фигуру. Но мать - Марту Аламшах-беим - помнил. Сестра Султана Ягуба, дочь Гасана Длинного от брака его с дочерью Трабзонского императора Хомнена Катерины, Деспине-хатун - Аламшах-беим вместе с сыновьями содержались в крепости. Помнил, как они находились в заключении в крепости Истехр.

...После смерти Султана Ягуба между братьями Исмаила начались распри: каждый хотел сосредоточить власть в своих руках. Убитого Шейха Гейдара сменил старший его сын Султанали. Он определил младшего брата к шейхам-сефевидам, а сам вместе со средним братом Ибрагимом и другими шиитами отправился воевать с выступившими против него сыновьями Гасана Длинного. Оба брата погибли в боях, и мюриды, забрав маленького Исмаила из Ардебилля, тайными путями переправляли его из края в край, ища безопасное место - и привезли, наконец, в Лахиджан,

Но и в Лахиджане было тревожно. Сын Гасана Длинного падишах Рустам часто слал к правителю Гилана гонцов с требованием о выдаче ребенка. Но Мирзали под любыми предлогами отказывал падишаху. Так продолжалось некоторое время, пока однажды ночью один из преданных людей не сообщил Мирзали, что падишах Рустам снова шлет гонца, и на этот раз - с войском. В ту ночь Мирзали спал очень беспокойно.

...Снилось ему, что его преследуют и, когда всадники почти настигают его, чья-то рука поднимает Мирзали в воздух и водружает на вершину единственного в пустыне дерева. От боли в руке и от страха Мирзали

вскочил. Была глубокая ночь; болела придавленная тяжестью тела рука. Станный сон не шел из головы: ему все чудилась какая-то связь между сообщением, переданным еще вечером дозорными - и этим ночным кошмаром.

Правитель напряженно думал, ворочаясь с боку на бок в пышной постели. Совсем извелся, но заснуть так и не удалось. Мирзали встал, прошел в комнату, где спал Исмаил, взгляделся: маленький шейх сладко посапывал во сне. Кругом было тихо. "Если в такую беспокойную пору у моих дверей с тобой случится беда - с каким лицом предстану я перед духом твоего отца и перед пророком святой веры?!" - горестно подумал Мирзали. Он вернулся к себе и снова лег, то вспоминая сон, то раздумывая о том, какой предлог выставить на сей раз, если утром действительно явятся люди падишаха Рустама.

3

Солнце еще не взошло, как в ворота громко застучали. Мирзали тотчас вскочил. Слуги еще спали. Правитель вышел на веранду и одновременно с полусонным привратником подошел к воротам. Вестник был одним из его друзей.

- Ага, дорогой, триста всадников из людей падишаха Рустама стоят всего в одном переходе от Лахиджана. В полдень будут здесь.

Всадник ускакал. Мирзали, в сущности, уже подготовил ответ. Оставалось только спокойно осуществить свой план. В первую очередь, нужно повидать Исмаила, подготовить его к новой беде. "Хотя он очень рано поднялся до сана шейха, но ведь все же еще совсем ребенок, - болело о мальчике отцовское сердце Мирзали. - Правда, на него свалилось много роковых событий, много испытаний. Для своего возраста он столько уже перевидал! Этот ум, эта сообразительность, редко встречающиеся даже и у двадцатилетних парней, несомненно, даны ему аллахом! Это - дар божий. Но, вместе с тем, он все же еще ребенок..."

С этими мыслями Мирзали вошел в комнату Исмаила и, изумленный, остановился. Мальчик был уже одет, и одет так, как будто приготовился к дальнему путешествию. На нем было длинное зеленое с черными полосками одеяние. Под ним виднелась плотно облегающая тело кипенно-белая рубашка, вышитая черным с золотом узором. Кончик маленькой чалмы свисал под подбородком - при виде чужого человека мальчик обязательно прикрывал им лицо. Сильный стук в ворота, видимо, разбудил ребенка и, наученный горьким опытом, он сразу все понял.

Правитель Мирзали удивленно проговорил:

- Да буду я твоей жертвой, что ты так рано поднялся?

Мальчик невесело усмехнулся, ответил с серьезностью, не подобающей его маленьким тонким губкам:

- Я подумал, что надо быть готовым к отъезду.

- К какому отъезду, да буду я твоей жертвой?

- Если не предстоит никакой отъезд, то с чего бы это в твои ворота стали так рано стучать и отчего ты так взволнован?

Правитель Мирзали про себя еще раз восхитился пронизательностью ребенка; сердце его разрывалось от жалости к его горькой судьбе.

- Да буду я твоей жертвой, мой шейх, ты прав! Беда пришла именно за тобой. Доверенные люди донесли мне, что мои отговорки не удовлетворили падишаха, и теперь он выслал сюда триста всадников - они находятся уже в одном переходе от Лахиджана. Через короткое время будут здесь. Видимо, они въедут во дворец и могут вынудить меня дать клятву...

Исмаил с несвойственным ребенкум хладнокровием спросил:

- Что ты советуешь?

- Мой совет - с тобой, мой шейх! У меня есть одна мысль. Если согласишься, дашь разрешение - я сделаю так, что мы отведем беду.

- Что бы ты ни посоветовал - я согласен.

- Отлично, сынок! - воскликнул, не сдержавшись, Мирзали. Но, смущенный тем, что дал волю чувствам, тотчас же взял себя в руки. - Прости меня, мой шейх, язык мой не так повернулся.

Исмаил не знал отцовской любви. Он помнил, правда, как любили и ласкали его мать и братья, когда они вместе были в заключении. Дядька Гусейн-бек, братья Туркмань, Мухаммед-бек и Ахмед-бек тоже были дороги ему - ведь они относились к мальчику, как самые близкие люди. Когда его увозили, скрывали - каждый из них защищал его ценой собственной жизни. Он видел большое уважение от мюридов - кази Ахмеда, хатиба Фаррухзада, правителя Тулунава, Амира Исхага в Реште и других. И каждый, подвергая опасности собственную жизнь, на определенное время укрывал маленького шейха в своем доме. Среди целой вереницы преданных ему людей особенно

запомнились Исмаилу две женщины. Одну из них звали Ханджан, он жил у нее в течение месяца. Другая - была знахарка по имени Убан - она лечила раны мальчика. Всех, кто был добр к нему, Исмаил любил, не забывал, постоянно поминал в молитвах. Добрые люди берегли его как зеницу ока: ведь он родная кровинка святого Шейха, осенен его духом, благостью.

Но сейчас слова правителя Мирзали: "Отлично, сынок" - проникли глубоко в сердце Исмаила. На мгновение забыв о своем сане и величии, о постоянно прививаемом ему мюридами шейхстве, он сделал невольный шаг к Мирзали. Мальчику так захотелось обнять его, прижать свою несчастную голову к могучей груди мужчины... Но слова правителя: "Прости меня, мой шейх, язык мой не так повернулся", - напомнили о его высоком положении. Он остановился.

- Говори, что ты советуешь, - приказал он.

- Мой шейх, чтобы они не требовали твоей выдачи, не обыскивали в случае отказа дом - я должен буду поклясться на Коране, что тебя здесь нет. Разрешите, мы применим одну хитрость,

Сегодня ночью я видел во сне твоего великого отца, он протянул руку и спас меня от преследователей. И теперь я знаю, как навсегда спастись от притязаний падишаха Рустама. Дай только разрешение, мой шейх!

- Какое разрешение?

- Я должен поклясться, что тебя нет в пределах моих земель.

- Но до их появления я не успею удалиться от твоих земель! И дядьки моего здесь нет. Без него...

Мирзали поднял обе руки вверх:

- Что ты, что ты! Да пусть отсохнет мой язык, если я предложу тебе хоть на шаг ступить из этого дома! Ты никуда отсюда не уедешь, я не позволю...

- Но тогда...

Правитель Мирзали повернулся к двери, позвал:

- Гулам, а ну принеси ту корзину!

В комнату вошел слуга. Он поставил на пол сплетенную из рисовой соломы большую и мягкую корзину, поклонился и вышел, Исмаил переводил

недоуменный взгляд с корзины на правителя, и Мирзали вынужден был приступить к объяснениям:

- Да буду я твоей жертвой, - сказал он, - да буду я жертвой твоих слов, пусть не заденет это твоего сердца! Те несколько часов, что гонцы падишаха будут здесь и я буду произносить клятву, ты спокойно проведешь в этой корзине, которая будет висеть на дереве. А я сумею поклясться, что тебя на этой земле нет. Вот в чем заключается мой план.

Исмаил стоял в изумлении. Потом подумал о перенесенных мучениях: днями, неделями его держали в тайных подземельях, тендырах, кузнечных мехах; что стоит теперь час-другой провести в корзине?!

Когда Исмаил сказал: "Согласен", - Мирзали не смог сдержать вздоха облегчения. Он поспешно вышел из комнаты, чтобы все самому подготовить: никто из слуг не должен знать об этой тайне...

3. БИБИХАНЫМ-СУЛТАНЫМ

Хотя со дня смерти учителя прошло уже сорок дней, из покоев принца Газибека ни разу не донеслось ни звуков музыки, ни оживленных голосов. Большую часть времени принц проводил в прогулках, в разговорах с любимым своим надимом Салехом. Знающий все секреты принца, Салех подозревал, что Газибек влюблен не на шутку, что неспроста он все время читает одну и ту же газель:

Душу мою сожгла страсть. О, красавица, где ты?
Свет очей, достоянье мое в обоих мирах, о, красавица, где ты?
Сердце мое источилось в кровь горькой разлукой.
Сладкоречивы уста твои, льют вино встречи, но где ты?
Посмотри, как я ранен шипами разлуки с тобой, розоликой,
Нарциссоглазой любимой моей! О, красавица, где ты?

Салех знал, кто эта - розоликая и нарциссоглазая возлюбленная. За это время они уже несколько раз побывали на Биби-Эйбате, в гостях у шиха Кеблали. Под видом религиозных подношений молодые люди привозили старику деньги и подарки. Не зная, кто они, ших Кеблали все же понимал, что эти юноши из богатых семей, и терялся в догадках о причине их щедрости и частых посещений. Старик искренне радовался, что молодые паломники столь религиозны, но ни разу не заподозрил, что все дело тут - в Бибиханым. Ему и в голову не могло прийти, что Газибек - принц.

Принц уже давно называл про себя Бибиханым "Султаным-ханым". Считая преданного надима наперсником своей тайны, он делился с ним мечтами о будущем и еще больше сдружился с Салехом в эти дни волнений и грез...

...Во дворце царило смятение. Дочери знатных вельмож и ханов, зарившиеся на принца, прослышали о том, что Гази-бек влюбился в простую крестьянскую девушку, дочь голодранца-шиха. Салех, после долгих размышлений, уступил настояниям шахини и открыл ей истину. Та, видя, что сын тает на глазах, боясь, что эта любовь сведет его с ума, рассказала обо всем отцу - Ширваншаху Фарруху Ясару. Тот сначала рассвирепел, но потом, поняв, что от этой болезни трудно излечиться, придумал достойный, как ему казалось, выход.

4

- Ничего, что ж теперь запрещать! - сказал он шахине. - Во дворец с любого уголка страны приводится столько разных служанок и невольниц! Считай, что эта - одна из них. Юношеская страсть пройдет, быстро наступит пресыщение. Тогда уж мы женим его на какой-нибудь принцессе или ханской дочери. Гази-бек молод еще, времени впереди много...

Так решилась судьба Бибиханым. Ее никто и не спросил, хочет она того или нет: девушку забрали из родного дома и увезли во дворец. Только теперь понял ших Кеблали, кем были эти "паломники". Осыпая обманщиков проклятиями, старый дед остался один в крохотном, опустевшем дворике, где все ему словно напоминало о Бибиханым.

В день, когда невесту доставили во дворец, шахиня поставила одно условие. Она запретила девушке показываться в дворцовом кругу: пусть шагу не ступит из выделенных для принца комнат. К Бибиханым приставили служанку и невольницу, она же приносила ей еду из дворцовой кухни. Допущенной во дворец дочери бедняка сразу же указали ее место.

Первые дни новой жизни прошли для Бибиханым в странной неге. Ока уже давно догадалась, что юноша приезжает в их селение из-за нее, что это не религиозный, а ее паломник! Старый дед так давно миновал свою юношескую пору, что забыл, какими они бывают, чувства молодых... Потому нехитрые уловки Гази-бека так легко обманывали его. Но не Бибиханым! Ведь и сама она только что вступила в пору любви. Она, конечно, не ожидала, что ее заберут во дворец... Но когда судьба бросила ее в пылкие объятия молодого принца девушка с радостью отдалась своему чувству.

Лишенная родного дома, друзей и подруг, превратившаяся вдруг в "Султаным-ханым" Бибиханым всем своим существом привязалась к молодому и красивому супругу. Гази-бек же, не придавший вначале значения

поставленному матерью условию, с течением дней стал осознавать его тяжесть. Надежно изолированная этим условием от всяческого общения Султаным-ханым фактически оказывалась запертой в четырех стенах, скучала, не находя себе никакого дела.

Одинок блуждая в дворцовых покоях, девушка вспоминала окруженный инжирными деревьями маленький дворик деда. Отца с матерью она потеряла очень рано: все ее воспоминания с тех пор, как открыла глаза, были связаны с дедушкой. Совсем крошкой качал он ее на коленях. Как только девочка немного подросла, она, с помощью соседки, тети Хейрансы, взяла на себя домашние заботы. Соседка научила ее вести их нехитрое хозяйство - и с тех пор дедушка уже не вмешивался в эти дела. Дни его проходили в пире, вместе с другими шихами он принимал и провожал паломников. А девочка под руководством тети Хейрансы летом старательно раскладывала на солнцепеке инжир, очищенный от кожуры, кипятила и высушивала цельные плоды, варила пряные сладости, инжирный дошаб, сушила виноград и тут, готовила впрок варенье из "шаны", инжирный джем - словом, запасала все, что можно, на тяжелую, голодную зиму.

В знойные летние дни Бибиханым помогала тете Хейрансе стирать белье и мыть ковры, стегать одеяла и набивать подушки. А когда их вконец изводил песчаный ветер, частый в этих краях, женщина, смеясь, просила ее:

- Дочка, ты - первенец у своей матери, сбегай, потряси инжирное дерево!
Может, поуспокоится...

И девочка опрометью бежала к инжирному дереву, весело трясла тяжелые ветки, приговаривая:

Я у мамы первенец!
Уведет пусть все напасти
Рыжий лис с черной пастью.
Ветру пусть придет конец!
Девочка "прогоняла" тяжелый, душный ветер от дома, где:

Глотком айрана не угостят,
Гостя в комнату не пригласят!

Бибиханым свято верила, что благодаря этим "заклинаниям", которым ее научила тетя Хейранса, ветер перестанет дуть, на смену ему придет прохлада, песок не будет больше набиваться в глаза, заносить и портить разложенные на солнцепеке янтарные инжирины, аккуратно насаженные на колючки. А потом она насыплет высушенные плоды в белый мешочек,

защьет его, чтобы не завелись там черви, защитит зимние лакомства от пыли и назойливых насекомых.

...Теперь, когда Гази-бек отсутствовал, Бибиханым постоянно слышались голоса то дедушки, то тети Хейрансы. Сладостные воспоминания детства и девичества оставляли комок в горле, расстраивали ее.

Ока не раскаивалась в том, что полюбила Гази-бека. Но очень скучала по родному дому, по дедушке и соседке - тете Хейрансе, заменившей ей мать и бабушку. Временами, когда Гази-бек брал

ее с собой на прогулку или на охоту, они на обратном пути заглядывали к шиху Кеблали. Бибиханым тотчас скидывала туфли, босиком бегала по золотому песку двора. Она доставала воду из колодца, разбирала и перестирывала дедушкину одежду, начищала песком посуду, прибирала в доме. Но все равно эти приезды были не возвращением в родной дом, а визитами гостей. За воротами нетерпеливо ржал жеребец, звал в путь. Гази-бек, хоть и не говорил ничего по поводу ее суеты - девушка металась по двору, как птица, боящаяся взлететь, хваталась то за одно, то за другое, - но на губах его играла насмешливая улыбка; "дочь пастуха по пастушеству тоскует...". Принц откровенно скучал, нетерпеливо бродил по садику, похлопывая плеткой по голенищам сапог.

Она часто оставалась одна - Гази-бека приглашали то во дворец по делу, то на торжество, то на прогулку. Бибиханым оживлялась с появлением мужа, но тот, видя, как покраснели глаза молодой супруги, понимал, что она плачет в его отсутствие, что ей грустно одной. В сердце принца постепенно росло возмущение. Назло матери, лишившей Бибиханым дворцовых развлечений, он решил воспитать из нее настоящую царицу, по собственному разумению. Он начал давать ей уроки, понемногу обучать всему, что знал сам. Султаным-ханым относилась к занятиям серьезно и проявила столько врожденных способностей, что юный учитель взялся за дело с еще большим рвением. Очень скоро она научилась свободно читать и писать, и тогда принц принялся прививать ей свойственные его сословию манеры. Часто он и Султаным-ханым, надевавшая костюм юного воина, вскакивали на коней и отправлялись на прогулку по тайной тропе, известной только принцу и его могущественному отцу. В укромном месте Гази-бек учил молодую супругу обращаться с мечом и конем, стрелять из лука.

В одну из таких прогулок и встретил их Фаррух Ясар. Осадив коня, он долго присматривался издали к впервые увиденной невестке - та, в наряде всадника, ловко орудовала мечом. Фаррух Ясар неожиданно для самого себя одобрил выбор сына. Против обыкновения, позвал к себе невестку, поцеловал в лоб.

- Отлично, сынок! Я такого и не ожидал, - обратился он к принцу.

Вернувшись во дворец, Ширваншах Фаррух Ясар пригласил к себе шахиню.

- Пришло время ввести Султаным-ханым в круг придворных дам, - сказал он.

- Пригласи и ее на предстоящий праздник день рождения пророка!

- Кто такая Султаным-ханым?

- Твоя невестка! Ты ее еще не видела?

- Не видела и не хочу видеть.

- Напрасно. Вначале и я так думал. Но когда увидел, понял, что сын наш не ошибся в выборе. - И, сдвинув брови, Фаррух Ясар добавил:

- Сделаешь так, как я сказал, та девушка ничем не хуже дочерей иных придворных и аристократов. Может быть, даже лучше. Вызови ее. Увидишь сама.

Гази-бек готов был летать от счастья. Вместе с тем, его томило беспокойство: накануне торжественного дня он весь вечер занимался обучением Султаным-ханым. Объяснял супруге дворцовые порядки, учил, как вести себя, чтобы понравиться его матери.

Все эти наставления, можно сказать, вовсе и не понадобились Султаным-ханым. Красота девушки с первого взгляда восхитила шахиню - тонкую ценительницу всего прекрасного. Она осталась довольна беседой с Бибиханым, обрадовалась, узнав, что за короткое время невестка ее научилась читать и писать, освоила воинское ремесло - значит, обладает немалыми способностями! Все же она была матерью, а не только шахиней. Матерью, чье сердце в эту минуту было переполнено счастьем сына!

5

Вот так, на зависть многим, завоевала Султаным-ханым любовь свекрови и свекра, а потом и уважение дворцовой челяди и многих придворных.

4. ДЕНЬ, ПРОВЕДЕННЫЙ В КОРЗИНЕ

(Продолжение)

Солнце еще не поднялось на высоту копыя, когда привратник распахнул обе створки высоких ворот перед предводителями подъехавшего войска. Бахрам

кази соскочил с коня в просторном зеленом дворе. Он был удивлен: падишах Рустам сказал ему, что здесь скрывается Исмаил, сын Шейха Гейдара, находящийся под опекой правителя Мирзали, и что нескольким гонцам уже отказались его выдать. Он хорошо знал правителя, знал, что тот - человек воинственный. Из его ворот без боя не то что коня - даже и мула не уведешь. Если шейх здесь, почему тогда ворота распахнуты, почему их так спокойно открыли перед входящими?

Правитель Мирзали встретил посланных приветливо, как дорогих гостей:

- Пожалуйста, пожалуйста, Бахрам кази, добро пожаловать в наши края, рады вас видеть.

Тотчас же слуги взяли коней за поводья, прогуляв их немного, отвели к кормушкам. Бахрам кази приказал своим воинам окружить дворец и быть наготове, а сам вслед за правителем Мирзали вошел в просторные покои. Здесь уже была расстелена скатерть для завтрака. Тотчас же появились изысканные блюда, напитки. Отдохнув с дороги, Бахрам кази приступил к делу:

- По сведениям, дошедшим до великого падишаха, шейх ардебильских суфиев Исмаил ибн-Шейх Гейдар ибн-Шейх Джунейд находится под твоим покровительством. Я благодарен тебе, брат, за то, что ты гостеприимно встретил меня и моих людей. Но, прошу тебя, если дело обстоит так, как донесли великому падишаху, исполни его веление и выдай Исмаила. Я даю тебе слово, что у нас он будет в безопасности. Ведь он - двоюродный брат падишаха, никакая беда его не коснется!

"... Вот-вот, как будто оба мы не знаем, что родных братьев Исмаила этот самый ближайший родственник убил собственными руками...". Боясь, что по глазам его можно прочесть все, о чем он думает, Мирзали поспешно заговорил:

- Я сказал посланцам шаха все как есть. Нога человека по имени Исмаил не ступала на мои земли. Хочешь, поклянись, положив руку на Коран?

- Ну что ж! Я приму твою клятву, поеду к шаху, предстану перед ним и передам ее.

По приказу правителя Мирзали слуги принесли расписанный золотом Коран. Вместе с лахиджанским кази пришел войсковой молла. Мирзали встал и, как было принято по ритуалу, вышел в дворцовую баню. Вылив на голову три

сосуда воды, - совершив положенное омовение, "очистился от скверны", взял в руки дестемаз[6], вернулся к собравшимся. Согласно обычаю, возложил правую руку на Коран. Он старался не смотреть в сторону корзины, висевшей на крепкой ветке среди густой листвы раскидистого тутового дерева, что росло во дворе. Думая о том, чью руку он увидел во сне, взмолился про себя: "О шейх, о дух духов, о глашатай нашей веры, о глава суфиев. Дай мне силу и волю, во имя спасения от этих злодеев твоего продолжения - твоего ребенка, произнести клятву! Будь моим исцелителем!". А потом, трижды проведя ладонью по лицу, коснулся рукой Корана. В полной тишине, громко, чтобы каждое слово запечатлелось в памяти близко и далеко стоящих людей падишаха, проговорил:

- Клянусь святым Кораном! Исмаила ибн-Шейх Гейдара ибн-Шейх Джунейда нет на моей земле!

... Бахрам кази был храбрым полководцем. Он очень расстроился, что, не поверив словам прекрасного человека и такого же, как он сам, воина, заставил Мирзали дать клятву. "Странный у нас шейх, ей-богу! Двух детей своей родной тети уничтожил, и все еще сердце его не остыло. Теперь вот пустился следом за малым ребенком, как будто останься он в живых, страна погибнет. И меня поставил в неловкое положение, и уважаемого человека опозорил. К нему недоверие проявлено, а я посрамлен...". С этими мыслями Бахрам кази тяжело поднялся, кивнул правителю:

- Ты очень расстроил меня, дорогой Мирзали! Клянусь той священной книгой, на которой лежала сейчас твоя рука, - пока я нахожусь на службе у падишаха Рустама, дом твой будет в безопасности! Прости меня: нет на свете хуже доли, чем быть рабом приказа.

Сердце Мирзали забилося спокойнее. Он ласково ответил гостю:

- О чем ты говоришь, брат мой?! Разве я не понимаю, в каком ты положении? Да онемеют бесстыжие люди, которые сводят падишаха с пути, нашептывают ему на ухо заведомую ложь. Я ведь тоже, как и ты, человек подневольный: одна рука просит, другая - отталкивает...

Бахрам кази не мог задерживаться дольше. Попрощавшись с хозяином дома, вскочил на подведенного ему коня и выехал на ворота, к войску.

Не успели всадники удалиться на половину агача[7], как правитель Мирзали бросился к висевшей на дереве "тюрьме" Исмаила, развязал веревки и спустил корзину на землю. Ребенок сидел, правда, вполне удобно, но кажущиеся теперь очень большими на бледном личике глаза смотрели напряженно. "Какой он бледный!.. Еще бы! Где видел он солнечный свет? В подвале?! Где он видел небо? В трубе! О-о, несчастный ребенок!"

Мирзали попытался улыбнуться:

- Сын мой, отныне нам нечего бояться. От всей души я верю словам Бахрама кази. Пока он находится на службе у шаха - в безопасности и наш дом и, главное, ты. Но все равно не следует забывать об осторожности: не бывает ведь ноги, которая не спотыкается, языка, который не заплетается.

Исмаил вылез из корзины. Волнение, которое он пытался скрыть, еще не прошло. Но оставлять слова правителя без ответа маленький шейх не захотел: "Пусть знает, что я понимаю, как он потрудился ради меня". Сказал:

- Я все слышал. Пусть сам имам Али вознаградит тебя!

- Да услышит тебя аллах!

И Исмаил остался во дворце Мирзали еще на полных шесть лет...

* * *

Впереди ехал Байрам-бек Гараманлы. Вся равнину заняло следующее за ним войско. Перегоняя друг друга, самозабвенно скакали всадники, казалось, это были участники скачек, наконец-то нашедшие обширную площадку и на радостях пустившие коней вскачь...

Доехав до реки, Байрам-бек остановился. Обернулся к проводнику Гусейну, почтительно державшемуся на расстоянии от него:

- Это Кура?

- Да, бек!

- И она течет так спокойно?!

- Не смотри на это кажущееся спокойствие, бек, она так же бурна, как и ее имя[8].

- Трудно будет переправиться через эту реку?

- Да буду я твоей жертвой, бек, да!

- Что же делать?

- Другого пути нет. Самое мелкое единственно годное для переправы место - здесь.

- Какое же это мелкое? - удивился Байрам-бек, натягивая повод коня.

Тем временем войско уже нагнало их. Кто поил коня на самом берегу, а кто, спешившись, жадно пил куринскую воду. Многие смывали пыль после трудной дороги. Байрам-бек продолжал сидеть в седле. Он колебался, язык не поворачивался отдать приказ о переправе. Дух захватывало от одной мысли, что надо направить коня в эту бесшумно текущую, темную и быструю воду.

Внезапно стоявшие позади всадники расступились. К берегу подъехал юный падишах. Лицо его было прикрыто вуалью: люди не должны осквернять взглядом божественного лика сына Шейха Гейдара. Не поднимая вуали, всадник приблизился к Байрам-беку Гараманлы:

- Почему остановились, почему не переправляетесь?

- Мой повелитель, я опасюсь пускать коней в эти воды. Думаю: может, найдем более удобное место для переправы?

- А что говорит проводник?

- Он считает это место подходящим.

"Гиблеи-алем" - "святыне мира"[9] - было четырнадцать лет. Но те, кто, не зная о его возрасте, видел мальчика в седле, сочли бы, что ему не меньше двадцати. Высокий, хорошо сложенный, гибкий станом Исмаил в тяжелых военных доспехах походил на молодого богатыря.

Юный шейх решительно вскинул голову. Сквозь прорези в вуали бросил острый взгляд на Байрам-бека Гараманлы: "В твоём сердце, как видно, не горит костер злобы и гнева против врага. Ты не отбывал, конечно, в младенчестве ссылку вместе с матерью и братьями в сырых подземельях крепости Истехр. Не тебе служили подушкой камни, а одеялом - облака. Не тебя, разумеется, прятали от каждого шороха. Не вешали на дерево, посадив в корзину. Твои два брата и весь твой род - мужчины, женщины, взрослые и дети - не были уничтожены, нет! Иначе бы ты не колебался. Тебе, как видно,

не говорили, что ради святой веры можно и жизнью пожертвовать. Я же, прошедший через все это, полон ненависти к врагу. Я могу!"

вернуться

6 Дестемаз - молитвенный коврик.

вернуться

7 Агач - мера длины, равная 600-700 м.

вернуться

8 Кура - в переводе означает "бурная".

вернуться

9 "Гиблеи-алем" - звание иранских шахов.

6

- За мной! - крикнул юный повелитель, поднял хлыст и первым направил своего коня в величавую реку. За ним, восхищенные отвагой молодого военачальника, не раздумывая, двинулись Байрам-бек, Чая-султан, Гаитмаз-бек, Хулафа-бек, дядька Гусейн-бек, Див Султан и другие. Переправляясь следом за Исмаилом через реку, они вдруг услышали какую-то мелодию. Дядька Гусейн, неотступно сопровождавший юного падишаха, дал знак не шуметь, прислушался. Голос Исмаила окреп: он пел, чтобы воодушевить свою армию, приободрить близких ему людей:

Где ни посадишь, вырасту,

Куда ни позовешь, приду,

Судиям помогу.

Кази, скажите, я - шах.

С Майсуром на виселице остался,

С Халилом на костре остался,

С Мусой на туре остался.

Кази, скажите, я - шах.

Волнующий призыв сердца слышался в этих простых, незамысловатых словах. Голос звал за собой, вселял в людей уверенность и надежду. Вскоре друзья, мудрецы, озаны - все стали подпевать с таким воодушевлением, будто пели религиозный гимн:

В золотой короне, на сером коне,

Большое войско предано мне,

Взор пророка Юсифа горит на челе.

Кази, скажите, я - шах.

Хатаи я - на алом коне.

Слаще меда слова мои,

Мой предок - имам Али.

Кази, скажите, я - шах.

Армия вслед за своим юным повелителем перешла реку, не потеряв ни одного человека. Когда последний кызылбаш вышел на берег, сердце Гусейна дрогнуло от пронзившей его мысли: "Детеныш льва - с рождения лев". Глаза его потеплели. Он был горд за этого красивого и чистого юношу, которого воспитал и вырастил, всю душу в него вложил, и вот теперь его питомец стал муршидом, главой секты. Из умиленного сердца дядьки Гусейна и Хулафа-бека одновременно вырвался возглас: "Аферин!"[10]

- Тысячу лет пусть живет наш шейх, наш муршид!

- Да здравствует мудрый муршид!

- Слава молодому шаху!

Крик одобрения, казалось, потряс небеса, вызвал оживление, движение в рядах войска. Чувствовалось, что теперь уже все готовы идти за молодым государем-поэтом, чье четырнадцатилетнее сердце бурлило чувством мести. Люди будто провидели, что этот мальчик в будущем много сделает для объединения разрозненного народа под единой властью... Исмаил же будто не слышал ничего, упрямо смотрел вперед, думая о своем. Нет, он не возгордился собой - понимал, что все это делается его друзьями, единомышленниками в целях укрепления его авторитета.

5. КОНЕЦ ОДНОГО ПЛЕМЕНИ, ИЛИ СУДЬБА АЙТЕКИН

Вдали от городов, в стороне от караванных троп жило одно племя. Сотни лет пролетели над ним. Из рук в руки, от одного завоевателя к другому переходили его многострадальные земли. Сменяли друг друга монголы, тимуриды, акгоюнлинцы... Но племя даже и не ведало о происходящих переменах. Забрел сюда, правда, как-то раз молла и, обратив их в свою веру, надолго поселился в селе. Обучал законам шариата - как сам их понимал. Когда молла умер, аксакалы племени похоронили его на кладбище, и могилу его объявили святым местом. Но после смерти старого моллы многие из привычных обрядов и верований вновь заняли свое место в обиходе сельчан.

Деревенские старухи были главными хранительницами стародавних обычаев и зорко следили за неукоснительным их соблюдением. Смотришь, наутро после того, как невесту ввели в дом жениха, одна из старух, разбудив молодую пораньше, ведет ее здороваться с солнцем. Не реже, чем Коран и имамов, поминали языческие божества.

Когда жив был старый молла, он приучил сельчан давать детям "имена из Корана". Так появились в племени Мухаммеда, Бекиры, Ахады, Ахмеды. Но старухи, не принимая в душе этих нововведений, все равно нарекали новорожденных именами, принятыми по обычаю племени, на родном языке. И дети росли с двумя именами: одним - официально-религиозным и другим, привычным, домашним, как называли отец с матерью. По обычаю, погода, сопутствовавшая рождению ребенка, предопределяла его имя, указывала судьбу младенца и его будущий характер. В племени в ходу были такие имена, как Боран - буран, Торан - сумерки, Сехер - утро.

Раз в год, в пору уборки урожая, в село из большого города являлся сборщик налогов. День-другой жил он в доме главы племени, с любопытством и некоторой опаской приглядывался к незнакомым обычаям. Сердито сплевывал:

- Слушайте, что вы за мусульмане?! Ей-богу, не могу разобраться. Гяуры - и те лучше вас...

В свое время старый молла сменил название племени "Одлу" - "Пламенное" на "Мухаммедли". В официальных книгах сборщиков налогов оно так и именовалось. Но между собой чиновники называли мухаммедлинцев гяурами. На вопрос: "Слушай, амил[11] ты куда собрался?" - скривившись, отвечали: "К гяурам..."

В годы, о которых идет наш рассказ, племя вело полукочевой образ жизни. От кочевничества, в сущности, осталось немного; члены племени занимались животноводством и земледелием. Мужчины засеивали поля по обе стороны реки Гюнешли, поливали их речной водой. Если какой-то год на правом берегу сеяли зерновые, то на будущий - эти земли использовали под огород. Возделывали они и гладкие склоны невысоких гор, окружающих долину.

В конце лета или в начале осени в село обычно наведывались чужаки. Приезжал важный сборщик налогов. А следом к току подбирались дервиши, бродячие сеиды, моллы и еще бог знает кто... Раскрыв горловины объемистых мешков, все требовали - кто долю шаха, кто - эмира, а большинство - святых предков. Отлученное от древней веры своих отцов и дедов племя никак не могло постичь всех тонких различий между сектами новой религии - и потому каждому требовавшему молча отдавали все, что он хотел. А часть уже оставшейся пшеницы перемалывали в муку на стоявшей в

окрестностях села водяной мельнице, а зимние запасы закапывали в вырытых поблизости от жилищ ямах.

Племя не ведало ни рынков, ни лавок; ни один сельчанин не знал дороги в город. Время от времени сюда забредали "коробейники". Бродячие торговцы привозили фрукты и другие вкусности, которые здесь и в глаза никогда не видели, и обменивали их на пшеницу и ячмень по весу - один к одному, к двум, к трем...

Торговцы, как и сборщики налогов, появлялись в деревне осенью, когда у сельчан и настроение после уборки урожая было хорошее, и в руках, как говорится, кое-что имелось.

Дни, о которых идет наш рассказ, пришлись на весну. Но зима выдалась сухой, бесснежной, жителям села пришлось туго. Скот ослабел и похудел за зиму, а весна запоздала, трава зазеленела поздно. У коров доить было нечего.

Чичек сетовала на создателя:

- О аллах, разве ж так можно? И жалости к людям не имеешь. Ни капли с неба не посылаешь, откуда траве взяться, чем скотину кормить?!

Недовольно ворча под нос, старушка направилась к дому аксакала племени Мухаммед-Булуда. На дне кувшина, что она несла в руках, было немного молока - его только что отдала ей соседка, девушка Агсу.

- Клянусь светом, бабушка Чичек, это все, что я надоила, - извинялась девушка.

- Знаю, детка, знаю, зачем ты клянешься? У всех так, не только у вас. Тот, чьей жертвой я буду, не дает дождя, что тут можно сделать?!

Дойдя до ворот Мухаммед-Булуда, Чичек увидела торговца Омароглу. Тот только что слез с коня, и теперь привязывал недоуздок к камню у летней кормушки напротив сарая. Увидев старуху, он поздоровался с ней как старый знакомый:

- Рад тебя видеть, ай Чичек!

- Добро пожаловать, братец, добро пожаловать! Что это ты так рано?

вернуться

10 Аферин - возглас одобрения, похвала, в смысле "молодец".

вернуться

11 Амил - сборщик налогов.

7

- Тобой полюбоваться пришел, ай Чичек! Время такое, знаешь...

- О времени и не говори, братец, земля и небо - все горит. Когда семья растет, забот прибавляется. А тот, чьей жертвой я буду, злоумышляет, видно, против нас.

- Не говори так, аллаху не понравится! Ему лучше знать...

- Конечно, а я что говорю?! Слава творцу, хоть дышим спокойно...

На голоса вышла жена Мухаммеда-Булуда Гюмюшбике, приветливо поздоровалась с Омароглу:

- Добро пожаловать, братец! А мужа дома нет, отправился на Агархач. Пастухи утром сообщили, что ночью много баранов разбежалось: волка испугались и разбрелись неизвестно куда... - разговаривая, Гюмюшбике взяла стоявший в тени под крышей кувшин, молока там было чуть ниже горлышка. Вылила молоко в кувшин старухи Чичек.

- Вот эти два кувшина всегда были полны молока, ай Чичек, а сейчас видишь? Как дальше быть, не знаю...

- Дай бог тебе всех благ, Гюмюш. Ведь говорят же, "черный день, проведенный с народом - праздник". Грешно гневить создателя - спасибо и за это, я же вижу, всем сейчас трудно. Много ли дел, Гюмюш?

- Да нет, отнесла вот свекрови чурек, обменяла на яйму[12]. Что делать, родная, муж тендырный хлеб любит, а я - дочь кочевника, к чуреку не привыкла, не могу его есть.

Не успела старуха Чичек выйти со двора, как к воротам подошли Мухаммед-Булуд вместе с сыном Ахмедом-Гюнтекином. Соскочив с коней, оба поздоровались с Омароглу:

- Добро пожаловать!
- Добрых тебе дней!
- Все ли здоровы? Как домашние?
- Слава аллаху, живут помаленьку. Вам привет шлют.
- Что слышно, какие новости в мире? Что хорошего?
- Хороших вестей - кот наплакал, сказать о плохих - язык не поворачивается. А вестей много...
- Так рассказывай, брат, не томи...
- Горе в мире, опять кровь рекой льется...
- Что так? Из-за чего?
- Говорят, есть такой город Ардебиль, там шах новый объявился - сын шейха. Новую веру будто принес...
- А жители что, не мусульмане?
- Мусульмане-то они мусульмане, но таких, как мы, убивают.

Старуха Чичек давно уже стояла во дворе, наострив уши.

Мухаммед-Булуд и Ахмед-Гюнтекин с Гюмюшбике слушали Омароглу со все возрастающим изумлением.

- Говорят, заставляют клясться на большом Коране двенадцатью имамами, что принимаешь новую веру.
- Большой Коран я видел. А двенадцать имамов - это кто?
- Я столько же знаю, сколько и ты.
- Хорошо, а нам-то до всего этого какое дело? Пусть каждый остается в своей вере, на своем пути, и все!

- В том-то и дело. Говорят, у его отца и деда была кровная вражда с отцом и дедом нашего Ширваншаха. И теперь он ему мстит. Да еще и мусульманство у них другое, он и нас хочет в ту веру обратить. А кто не желает обращаться - тут же, на месте, мечом рассекают надвое.

Чичек и Гюмюшбике разом в ужасе вскрикнули:

- Вай, аллах! Что за ужас!

- Да-а-а, вести не из приятных, а может, это выдумки болтунов? Вести твои верные?

- О чем ты говоришь, брат? Стал бы я в такое время года загонять коня, чтобы сюда добраться? Подумал: сообщу тебе, чтобы ты был начеку, да заодно и соберу по дворам то, что с прошлого года неададено...

- Ты очень хорошо сделал, что известил нас. Но насчет долга... Весна задержалась, сами животы подтягиваем. Не знаю, Омароглу, сумеют ли люди рассчитаться с тобой...

- Это-то верно, но, клянусь аллахом, и мы в таком же положении. Засуха и к нам была беспощадна, даже стука ложки в наших домах сейчас не услышишь. Я подумал, может, здесь хоть что-нибудь сумею получить...

- Насчет зерна - сомневаюсь, а вот скотом, может, и расплатятся.

- В этой бойне, что затевается, на что мне скот?

- Что сказать тебе, Омароглу? Сам решай, навести своих должников, потребуй уплаты. А пока пойдем, перекусим, чем бог послал. Как говорится, поживем - увидим!

Гюмюшбике вошла в дом, чтобы приготовить мужчинам еду. Потрясенная словами Омароглу, старуха Чичек, бормоча что-то про себя, взяла кувшин и направилась к своему дому.

"О невидимый творец, только этого нам и не хватало! Чтоб тому, кто затеял войну, мухой стать и к стене прилипнуть, чтоб собакой стать и всю жизнь скулить у своей двери! Какое ему дело до нас?!"

Старуха Чичек, для которой весь мир состоял из одной ее деревни, слыхала про войну только в сказках. В молодости она несколько раз видела

"сражения" - крупные драки между семьями. Помнит, как в селе два парня полюбили одну красивую девушку, и из-за того, что девушка оказала предпочтение одному из них, между соперниками вспыхнула вражда. Вмешались, как водится, родственники и, разбившись на две группы, начали биться на пращах. Обе стороны яростно метали друг в друга камни, было много раненых. Только сельские аксакалы смогли прекратить этот скандал... И еще: однажды какое-то кочевое племя набрело на их стойбище, стало пасти скот на их пастбищах. Тогда поднялось все село, чтобы прогнать чужаков со своей земли. Мужчины, намотав чухи на руку, сражались палками. Разбитых голов и выбитых глаз было много, но никто не умер. Чичек знала смерть только от болезни или от старости, ей и в голову не приходило, что, как в известных ей сказках, жестокий правитель и наяву может, по непонятным старухе причинам, уничтожать людей, не имеющих к нему никакого отношения. Вот почему она и поверила принесенной Омароглу вести, и пришла от нее в ужас, но в глубине души в тоже время засомневалась: может быть, рассказанное торговцем - тоже сказка? Однако, веря и не веря, Чичек все же не преминула всполошить все село, передавая услышанную новость всем, к чьим воротам она в это утро приходила за молоком.

Не успел еще Омароглу закончить трапезы, как весть о войне будто на быстрых ногах разбежалась по селу.

Как бы то ни было, но когда Мухаммед-Булуд и Омароглу, позавтракав, вышли во двор, они застали здесь плотную толпу сельчан. Люди стояли, устремив взгляды на аксакалов племени: ждали, что он скажет. Мухаммед-Булуд пригласил в дом нескольких наиболее уважаемых мужчин, а остальных отправил заниматься делами, заверив, что никакой опасности пока нет.

В доме старейшины началось совещание. Многие, решив, что к предстоящая битва будет такой же, как и те, что вели они между собой, произвели подготовку: запасли чухи для нарукавников, тяжелые дубинки, пращи с большими гнездами для камней, велели ребятам набрать побольше крупных камней. На том и успокоились, решив, что теперь они готовы к встрече с любым врагом, и каждый занялся своим обычным делом.

Проводив гостя, Мухаммед-Булуд почувствовал в душе смутную тревогу. Он решил направить туда, где, по словам Омароглу, идет война, своего человека - надо же выяснить истинное положение дел! После долгих раздумий выбор его остановился на собственном сыне, Ахмеде-Гюнтекине, - это была самая подходящая кандидатура. Наутро, чуть только зарозовело небо, он дал Гюнтекину необходимые указания и направил его на восток от земель

родного племени, туда, где, по словам Омароглу, шла война. Мухзмед-Булуд напрасно прождал сына весь этот долгий день. Гюнтекин вернулся лишь на следующий день к вечернему намазу. Уединившись с отцом, сын поведал об увиденном:

- Войско весь мир заняло, отец! И все воины с мечами, щитами, стрелами, копьями. На арбах везут неведомое военное снаряжение, какое и в страшном сне не увидишь. С таким войском нам сражаться трудно будет, отец! С нашими дубинками да пращами мы и дня против них не выстоим...

- А что же нам делать, сын?

- Не знаю, отец! По-моему, лучше всего совсем уйти отсюда.

- Но куда? И как мне убедить людей? Разве они уйдут, оставив посевы, урожай, скот? Как оставишь родной дом?

- Этого я тоже не знаю, отец! Но все села, что находятся отсюда всего лишь в дневном переходе, лежат в развалинах. Большую часть людей перебили, многих взяли в плен и увезли продавать на невольничьи рынки... Народ кровавыми слезами обливается, отец!

вернуться

12 Яйма - тонко раскатанные шарики теста, слегка испеченные на медной треножнике.

8

Старик задумался, понурив голову. Долго длилось молчание, и наконец Мухаммед-Булуд заговорил:

- Знаешь, сынок, посоветуюсь-ка с аксакалами. Думается мне, надо подняться на гору Гюнгёрмез и там на ровном склоне вырыть землянки, поставить хижины. Переселим туда женщин и детей. А сами вооружимся, как можем, и будем охранять на равнине наши посевы, скот. К тому месту, о котором я говорю, ведет всего одна дорога. Ее тоже могут охранять несколько человек, но, главное, ее ни один чужак не найдет, а найдет - так не поднимется незамеченным.

При этих словах он показал рукой в конец равнины, туда, где реку с двух сторон окружали отвесные горы. И действительно, гора Гюнгёрмез была надежной естественной крепостью.

- А вода? - с сомнением и надеждой спросил парень.
- Пока враг не приблизился, женщины могут носить воду из реки.
- А вдруг мы будем окружены?
- И на этот случай есть выход. На теневой стороне Гюнгөрмез скалы в одном месте провалены, там можно пробить тропинку к реке. С востока враг ее не увидит, а с другой стороны - узкое ущелье реки, отвесные скалы, кому придет в голову искать там? Да и к реке тропу подводить не будем, пробьем ее через скалы, а к воде сделаем подкоп.

Долго держали совет отец с сыном, раздумывали, как лучше все устроить.

- Отец, тропинку и подкоп надо готовить уже сейчас.
- Да, как только начнем переселение.

Еще не успели совершить утренний намаз, как стало известно о том плане, который предложил для спасения племени от врага Мухаммед-Булуд. Он первый перенес свой дом-кибитку на гору, похожую на крепость, и тем самым сразу же пресек все разговоры о том, надо или не надо переселяться. Мухаммед-Булуд в спешном порядке разбил молодых сельчан на две группы: первая, под руководством Ахмеда-Гюнтекина, сразу же начала пробивать тропинку в скалах в указанном Булудом месте и вести подкоп к реке, а вторая, возглавляемая другом Гюнтекина храбрецом Аязом, ставила палатки, сооружала хижины на горном склоне. Все, кто мог держать в руке дубинку, кинулись к аксакалу: "Поручи нам подходящее дело!"

Но женщины не желали верить в эту "историю с войной", отказывались покидать насиженные места. Чтобы успокоить и уговорить их, Булуду пришлось произнести целую речь:

- Мои дорогие сестры и матери! Наши отцы говаривали: "Если муж сядет под кустом колючки, жена тоже должна сесть рядом с ним под куст полыни". Самый лучший выход - перебраться на гору. Враг пройдет, страх минует, дети наши целы останутся, не пойдут невольниками в чужие края. И честь наших матерей, жен, сестер, дочерей, невесток - не будет растоптана. Вот Ахмед он видел то войско, что идет на нас войной. Говорю вам: наших сил на него не хватит. На Гюнгөрмезе мы будем в безопасности. Этот Омароглу, мир праху его отца, вовремя нас оповестил. Даю вам слово, что, как только опасность минует, я своими руками перенесу ваше добро обратно, на наши

старые земли. Ах вы, безумные старухи, чего вы боитесь? Не птицы же мы, чтобы всю жизнь на скалах сидеть!

Много сил и слов потратил Мухаммед-Булуд, чтобы уговорить женщин. Уговорил, наконец. Теперь и они вместе с детьми, навьючив на спины домашний скарб, поднимались в горы, а свободные от строительства мужчины приглядывали за скотом. Некоторые пастухи были вооружены кинжалами и добытыми где-то Булудом мечами.

Обращаясь к небесам, старуха Чичек перемешивала молитвы с проклятьями:

- Пророк Наби, пророк Ильяс, освободи человека от человека!

Хотя настроение у людей было не очень веселое, кто-то поддевал ее:

- Эй, старуха, такое говорят, когда женщина от бремени освобождается!

- Ну, так и есть, если мы от этого нечестивца избавимся снова на свет народимся!

Под вечер того же дня люди уже совершили намаз на крошечном, с ладонь, участке горы. С равнины, сколько ни смотри, ни шалашей, ни палаток не различить. А только что покинутые жителями дома погрузились в удивительную тишину. Казалось, застыла вся прошлая жизнь племени. Можно было подумать: люди либо заснули, либо ушли куда-то. Вот-вот они вернутся обратно, вновь задымятся не остывшие еще очаги, к опустевшим кормушкам будет привязан скот, привычным шумом наполнится все село. Но это было лишь внешнее впечатление; внутри дома выглядели так, будто каждую комнату до нитки обчистили воры.

* * *

Когда передовой отряд кази добрался до села, он застал здесь странную картину. Пустые, напоминающие склепы дома молча смотрели на пришельцев. Раскрытые ворота были как черные провалы пещер. Ни самого паршивого козленка в загоне, ни хромого цыпленка в курятнике... Казалось, война, не коснувшись еще села рукой, уже опалила его своим дыханием, убив все живое. Воины разместились в покинутых домах, стали ждать подхода основных сил: здесь они должны были соединиться. А после нескольких дней отдыха войско направится к горе Фит - весенне-летней резиденции Ширваншахов. Для перехода через горы отдых был необходим.

6. ДЕРВИШИ

В это самое время на другом конце света в семье купца, не знающей ни о Султаным-ханым, ни об Исмаиле, будущем шахе, росли их сверстники, братья-близнецы. Много десятилетий назад их предки, азербайджанские купцы, после разгрома хуруфитов покинули Ширванское шахство и обосновались в Кони. У братьев-близнецов, сыновей Гаджи Башира от турчанки Ляман, была, как говорится, легкая нога. Гаджи здорово повезло в торговле, он получил большую прибыль там, где совсем не ожидал ее. Отец не жалел средств для воспитания мальчиков, хотел, чтобы они были и образованными, и физически развитыми и даже мечтал, что они пойдут по его стопам, а, может, и еще дальше. Но с годами Гаджи Башир перестал понимать своих детей.

Один из близнецов, Исрафил, с детства отличавшийся сильной набожностью, стал, несмотря на молодость, мюридом городского кази, его самым доверенным базарным служителем. К отцовскому занятию - торговле он совсем не проявлял интереса. Напротив: как правая рука кази, Исрафил заделался самым ярким врагом всех купцов на базаре, их ненавистным соглядатаем.

Второй близнец, Ибрагим, был полной противоположностью брату. Если Исрафил внешностью походил на отца, а характером был жесток и коварен, то Ибрагим своим прославленным лицом, высоким ростом, изящной осанкой больше напоминал мать, Ляман-ханым. Движения у него были плавными, речь сдержанной. Но и он, как и брат, расстраивал отца необъяснимым пристрастием к дервишам. Дело дошло до того, что Гаджи Башир решил серьезно поговорить с Ибрагимом:

- Сынок, что хорошего находишь ты в этих вшивых, вонючих дервишах, сбрывающих не только усы и бороды, но даже брови и ресницы?!

Ибрагим покраснел, горячо возразил:

- Но ведь главное не одежда в человеке, отец, для меня важна суть их учения. Отпусти меня с ними: я хочу повидать мир, хочу узнать, какие еще живут на свете люди, какие есть на свете обычаи, хочу услышать чужие наречия.

Гаджи Башир повысил голос:

- С дервишами - никогда! Сынок, ведь ты можешь поехать по свету и как купец, повидать какие хочешь страны, увидеть разных людей. С моего

благословения - пожалуйста! - бери в свои руки мои торговые дела, я уже состарился. Присоединяйся к купеческим караванам, я снаряжу тебя. Что может быть лучше - сын с отцом, рука об руку! И имущество наше умножим, и мечта твоя исполнится.

Ибрагим мягко усмехнулся:

- Прости, отец, но мне не по душе мирские блага. И умножать их мне не хочется.

Тут в разговор, не утерпев, вмешался Исрафил, давно уже внимательно слушавший их. Грубо расхохотался:

- Хорошо! Нам только этого не хватало - нищий дервиш! А есть ты не захочешь? Гулять не захочешь? Дом свой иметь, жену, детей не захочешь? Потом, понизив голос настолько, чтобы услышать мог только брат: - А Нэрин на что ты будешь содержать? Хоть материю на юбку ты ей должен покупать или нет? Или это тоже отец твой будет делать?

Ибрагим задрожал от гнева, выдохнул шипящим шепотом: "Это не твое дело". Собрав всю свою волю, громко ответил:

9

- Не обижайся на меня, отец. Торговые дела ты поручи нашему старшему брату Хамдулле. Меня же с этим миром ничто не связывает. Моим ложем станут созданные творцом поля, едой дарованные создателем травы и корни. Праведная торговля предназначена для моих братьев, я же пылаю страстью хоть на миг приблизить слияние с моим божеством. Разве ты этого не чувствуешь, отец? Ведь ты человек бывалый, предки твои покинули родину во имя своих убеждений. Я не хочу дерзить тебе, моему родному отцу, я только прошу тебя - не заставляй меня заниматься тем, к чему не лежит душа. Не мешай мне идти по пути, предназначенному моим духовным отцом.

Ляман-ханым, слушавшая из боковой комнаты разговор отца с сыновьями, плакала. Она не знала, кто из них прав. Она только горько говорила себе: "Когда Ибрагим сосал мою правую грудь - Исрафил сосал левую. Почему же братья-близнецы, внешне столь похожие, так отличаются друг от друга?" Насколько резким с самого младенчества был Исрафил, настолько мягким, ласковым вышел из материнского лона Ибрагим. Он восхищенно слушал ее сказки, песенки, загадки - ими убаюкивала его мать вместо колыбельных песен. Еще совсем заплетающимся языком повторял за ней стихи; потом стал читать их даже во сне, и стихи эти очень походили на гошма Юниса Имре, которые читала ему, малышу, мать. Впоследствии, когда Ибрагим вырос, он

втайне от всех, но не от матери, всерьез занялся сочинительством стихов. Но направленность этих стихов, их содержание резко отличались от того, что мальчик слышал в детстве. Теперь с языка его не сходило имя некоего Хатаи, он, можно сказать, дышал этим образом. "Интересно, кто он?" - думала мать. Давно уже провела Ляман-ханым о тайной сердечной склонности сына - его влюбленности в соседскую девушку Нэсрин. Но теперь, кажется, и Нэсрин уже забыта! Неужели сын оставит их, откажется от дома?.. Ляман-ханым видела, что теряет своего ребенка, что он день ото дня отдаляется от нее, его помыслами и душой владел лишь образ Хатаи. Ей хотелось войти в комнату, кинуться в ноги мужу Гаджи Баширу, омыть их слезами, умолить его: "Аи, Гаджи, да буду я твоей жертвой - ведь ты отец, употреби свою отцовскую власть! Прикажи Ибрагиму, не позволяй ему уходить из дома! Он не посмеет ослушаться твоего веления..."

Но Ляман-ханым не знала, что ее Ибрагим живет теперь только и только в мире дервишей, что сам глава секты мечтает стать его духовным отцом, обучает его заветам Хатаи, готовит его к великому - по своему разумению будущему, и в это будущее и он сам, и молодой Ибрагим искренне верят. Даже самый строгий запрет Гаджи Башира не сможет проникнуть в сердце, в котором царит воля постигших истину мудрецов. Просто не в состоянии!

Дорогой читатель! На дорогах нашего повествования ты еще встретишься с Бибаханым-Султаным, Айтекином, Ибрагимом и Шахом Исмаилом, сыном Шейха Гейдара, известным в то время, как Хатаи. Каждый из них по своему разумению захочет понять это высшее духовное лицо шиитов, военачальника, в четырнадцать лет сумевшего покорить четырнадцать провинций, государя и автора утонченных любовных газелей и "Дехнаме" - поэта Хатаи.

7. КОРШУН

Прорвав серое одеяние горы, высоко в небо вознеслась черная скала. На голом и остром пике ее неподвижно, точно и он был изваян из камня, сидел коршун. Зоркими глазами он оглядывал окрестности, особенно пристально вглядываясь в похожие сверху на ряды разноцветных бусинок, шеренги воинов. Старый стервятник, проживший на свете почти столько же, сколько и эти скалы, узнавал военный лагерь по запаху. Он с наслаждением преследовал войско по пятам: знал - там, где появляется подобное скопище людей, обязательно прольется свежая кровь, будет много трупов - о, эта ароматная, теплая еще кровь!... От предвкушения у старого коршуна

перехватывало дыхание. Как ему хотелось приблизить миг блаженства - но он не трогался с места, по опыту зная, что спешить не следует. Сначала должны засверкать, как молнии, прикрепленные к поясам мечи, обрушиться удары на щиты, надо, чтобы из закинутых за спину разноцветных колчанов стрелы засвистели в воздухе. Лишь тогда потечет на землю такая вкусная кровь... Ах, так и хочется кинуться на человека, пока он еще не упал!..

Войско двигалось, и неотступно следил за ним коршун. В мозгу умудренного годами стервятника пробуждались новые и новые мысли. Вскоре эти существа станут его кормом. Странно. Он чувствует, таких по запаху - столько уже повидал подобных схваток и сражений! И... люди в таком большом количестве собираются вместе только тогда, когда они готовятся стать кормом для стервятников. Кто же их побуждает к этому?! Коршун - не змея и не сколопендра, он не станет пикировать с седьмого неба, чтобы разорвать намеченную жертву. Люди сами убивают себя. Сами! И он не понимает - почему? Вон, пониже его, кружат вороны - охотницы до глаз и мозга человека... Следят... Вкусные глаза и мозги. Неужели это и есть жемчужина природы, царь всего живого - человек? Вот это и есть человек, превосходящий птиц разумом? Почему же то мягкое, вкусное вещество, именуемое мозгом и более всего отпущенное людям, почему оно не предупредит их, не спасет от смерти - от мечей и клювов?

О человек, взгляни на вершину скалы! Смерть в облике коршуна - над твоей головой. Он уже ощущает запах твоей, не пролившейся еще, крови. Даже дыхание задержал... Как и те, летающие ниже, жадные до мозга вороны...

Молодой кази давно заметил старого коршуна. Вот уже несколько дней стервятник следует за ними. Теперь, с приближением битвы, ему стало казаться, что неподвижный взгляд птицы устремлен именно на него, что она его высмотрела, отметила среди всех. Этот невидимый, но ощутимый взгляд жег сердце воина - оно будто предчувствовало что-то. Не выдержав, юноша вынул из колчана стрелу, вложил ее в лук, натянул тетиву и, прицелившись, выстрелил. Но в тот самый момент, когда стрела вылетела из лука, коршун взвился ввысь и исчез где-то за черной скалой. Воин, шедший рядом с молодым кази, рассмеялся:

- Если б у него не было крыльев - ты бы попал в него! Не трудись понапрасну. Коршуны хитры и коварны. Кто знает, сколько лет этому и чего он только не повидал на своем веку?! Так что, не трать стрелы зря.

Молодой кази злился в душе на коршуна и на товарища: не сумеет подстрелить птицу с близкого расстояния! А войско двигалось вперед,

кызылбашские кази с воодушевлением распевали стихи своего муршида, едущего впереди на белом коне, с лицом, закрытым шелковой вуалью.

Сопели хиджасские верблюды, ржали арабские скакуны, скрипели арбы со снаряжением и провизией. Войско наступало...

* * *

Шел третий день, как село перекочевало на скалу. До вчерашнего дня внизу не появлялся ни один чужак, и поэтому первые страхи и волнения бесследно прошли. Люди забыли об осторожности. Девушки и молодые женщины, спускаясь с кувшинами на плече к реке Гюнешли, ворчали, что им приходится теперь таскать воду на вершину горы.

Айтекин проснулась чуть свет. Она и раньше не была лежебокой, вставала раньше зорьки, подметала двор, управлялась со скотом. Но теперь, поскольку двора не было, а скот брат Гюнтекин угнал куда-то далеко вместе со всем стадом, делать ей было нечего. И отец не показывался: ушел еще раньше, чем она проснулась. Из всех утренних обязанностей Айтекин осталась только одна - сходить за водой. Взяв кувшин, девушка направилась по вырубленной тропинке к реке Гюнешли. Дорога была длинной. Перепрыгивая, как горная козочка, с камня на камень, Айтекин спустилась из лагеря к реке. Меж крупных черных камней росли кусты роз, дикий инжир, козелец, съедобные травы. Время от времени девушка наклонялась и, сорвав травинку, отправляла в рот, а соком некоторых стебельков, похожим на молоко, ставила себе "родинки" на щеках и подбородке.

Когда она добралась до реки, солнце только-только выглянуло из-за горизонта. Девушка подошла к берегу, чтобы наполнить кувшин. Прозрачайшая вода притягивала к себе: Айтекин ополоснула руки, лицо. Сев на прибрежный камень, опустила ноги в воду и, как в детстве, кокетливо и шаловливо принялась болтать ими. Посмеялась над собой и, поднявшись, хотела уже наполнить кувшин... Внезапно девушке показалось, что кто-то на нее смотрит. Она не слышала шороха, но быстро обернулась в ту сторону, откуда почувствовала взгляд - и замерла на месте.